

Получив устное предупреждение, Бичила не осмелился больше издавать ни звука. Однако лицо Асира внезапно оказалось так близко, что Сашель на миг замер.

«Неужели он собирается меня поцеловать?»

В голове пронеслась паническая мысль о собственной глупости. Как он мог быть настолько наивным, чтобы поверить словам этого зеленоглазого ублюдка? Лишь спустя секунду юноша осознал, что всё ещё прижимает ладонь к губам. Асир, даже если бы захотел, коснулся бы только тыльной стороны его руки — лейтенант просто накрыл своей ладонью его пальцы, окончательно лишая возможности заговорить.

Асир, не дожидаясь ответной реакции, другой рукой обхватил его за шею и оттащил в сторону от кнопки вызова, «принудительно» заставив замолчать.

Бичила протестующе промычал, пытаясь вырваться, но собеседник склонился к самому его уху и «нежно» прошептал всего одно слово: «рёбра». Сашель тут же задервенел.

Они замерли в хрупком равновесии, где выбором было либо молчание, либо сломанная шея, когда «Туте» Асира внезапно ожил. Это была короткая, почти беззвучная вибрация.

— Веди себя тихо.

Поскольку рук у подполковника было всего две, ему пришлось отпустить рот Бичилы, оставив локоть на его горле в качестве предупреждения.

Это был не звонок, а сообщение. Асир открыл его прямо перед глазами напарника, чтобы тот тоже мог прочесть.

Отправитель: Джефсика.

Содержание: «Оставила дверь приоткрытой».

Бичила поднял голову и увидел небольшой комнатный цветок в дорогом на вид керамическом горшке. Джефсика аккуратно поставила сосуд у края раздвижной двери, прямо на грани срабатывания защитного механизма. Тяжёлая створка не могла закрыться до конца, и из-за этого хваленая звукоизоляция палаты перестала работать. Асир же, удерживая Сашеля, «удачно» спрятался в слепой зоне для тех, кто находился внутри — из палаты их было совершенно не разглядеть.

Голоса двух молодых женщин-офицеров доносились отчётливо. Сначала это были вежливые

приветствия, затем последовала ни к чему не обязывающая болтовня. Поскольку они виделись лишь в третий раз и не были близко знакомы, темы разговора оставались нейтральными, что спасало подслушивающих от неловкости. Впрочем, Бичила был уверен: такой бесстыдный подонок, как его командир, вообще не знает, что такое стыд.

Осознав ситуацию, юноша мгновенно прекратил сопротивление. Асир немного ослабил хватку, но его губы всё ещё находились у самого уха Бичилы — так близко, что едва не касались кожи. Подполковник, казалось, сам этого не замечал.

Бичиле стало нестерпимо щежотно. Плевать он хотел на защиту своих губ — он попытался чуть повернуть голову, чтобы спасти многострадальное ухо, и столкнулся взглядом с глазами Асира, сияющими совсем рядом.

Про себя он невольно отметил, что этот уцелевший изумрудный глаз выглядит куда более живым, чем растение в горшке. Но тут же он осознал, что рука офицера всё ещё лежит на его плече, и со стороны это выглядит так, будто он сам льнёт к груди подполковника...

Бичила уже открыл рот, чтобы возмутиться, но Асир едва заметно качнул головой. Он приложил указательный палец к губам, а затем указал на своё ухо.

Как выпускник военного факультета, Сашель отлично знал этот жест. Приказ: «Соблюдать тишину, внимательно слушать».

Но он никогда не был тем, кто слепо подчиняется приказам, и уж точно не собирался участвовать в шпионаже. Однако Асир, словно предвидя его протест, одарил его многозначительным взглядом и едва слышно добавил:

— Не двигайся. Тише.

Тон был точно таким же, каким он приказывал: «Стул, сядь».

Бичила почувствовал, как этот безапелляционный тон ведёт его за собой. Гнев на неуместность подслушивания куда-то испарился, моральные принципы и тревога отступили, и он даже начал упрекать себя за излишнюю суетливость.

— Ты серьёзно собрался подслушивать? — его шёпот был почти неразличим. — Это же низко. Я не хочу становиться таким же бесстыжим, как...

— О чём мы договаривались? — Асир внимательно смотрел на него, хотя всё его внимание было сосредоточено на звуках из палаты.

Они достигли молчаливого согласия говорить едва слышно — на таком расстоянии этого было достаточно.

— Что я приду с тобой навестить Рене, — Бичила без зазрения совести изменил условия. — И всё.

Асир: «...»

— Что? — Бичила самодовольно усмехнулся. — Ударишь меня?

— Я ранен, — сухо напомнил тот.

— Ладно, «раненый», давай просто зайдём? — Бичила выдавил слова сквозь зубы. — Быстро навестим её, и я, твой смиренный слуга, помогу многоуважаемому и бесчестному господину Асиру доковылять до кровати.

Однако не успел юноша сделать и шага, как рука офицера вновь пригвоздила его к месту.

— Джефсика мастер в таких делах. А ты умеешь только орать. Зайдёшь — только помешаешь им. Сиди тихо. Это оптимальный вариант.

— Ты, блядь...

— Рёбра.

— Ты... М-м-м!

Асир снова зажал ему рот.

— Рене рассказывает о своём детстве. Она выросла в шахтёрском районе. Ты ведь тоже помнишь кое-что о тех местах?

Глаза Бичилы расширились. Он мгновенно вспомнил ту «девочку с короткой стрижкой из детства». Но, лишённый возможности говорить, он лишь отчаянно зажестикублировал, требуя, чтобы его отпустили.

— Она на два года младше тебя, — безжалостно обрубил подполковник, убирая руку. — Вы учились в разные годы...

— Откуда ты знаешь, о чём я думаю?! — Бичиле показалось, что он имеет дело с дьяволом.

— Я тоже вырос в горнодобывающем районе.

— Да быть не может!

— ...Тихо!

— Джефсика.

— Да?

— Я кое-что тебе расскажу, только не говори никому. Даже заместителю командира.

— Обещаю. Ни одна душа не узнает, включая Асира.

Рене слабо улыбнулась и подняла взгляд на белый потолок палаты. Идеально ровная поверхность без единого выступа. Стены были такими же — даже осветительные панели были встроены заподлицо. Из соображений безопасности окон не предусмотрели, отчего всё помещение казалось правильным металлическим кубом.

— Я с детства любила цвет металла и никогда не питала неприязни к строгим формам, — начала вспоминать Рене. — Но каким бы роскошным ни был блеск сплавов, он не идёт ни в какое сравнение с тем, что я впервые увидела в горнодобывающем районе Ребос...

Тогда она была обычным ребёнком, чьи родители получили назначение на работу в этот район.

— Это был мой первый выезд за пределы Коса.

Ребос разительно отличался от Такаса.

— Там было очень красиво.

В то время как район Такас специализировался на добыче железной руды и был застроен грубыми индустриальными комплексами, Ребос славился редкими минералами и драгоценными металлами. Производственные линии и архитектура там были куда изящнее и сложнее. Повсюду лежали груды необработанных самоцветов, многие из которых ещё даже не были изучены. Сами природные жилы напоминали сказочный лабиринт, сияющий великолепными кристаллами.

— Мне нравились рабочие, нравились даже эти отходы — бракованные камни. Те, у кого было свободное время, мастерили из них украшения для друзей и соседей. Дети использовали их как игрушки, а взрослые ставили на столы, дополняя композиции прекрасными цветами... Это

место совсем не походило на суровую шахту. Оно было живым, ярким, чем-то напоминало более весёлую версию Коса. Но ни сияние драгоценностей, ни блеск редких металлов не могли сравниться с тем самым... С тем самым прекрасным и ослепительным серебристым светом, что я когда-либо видела.

Джефсика слушала затаив дыхание, но тут не выдержала:

— И что же это был за серебристый свет?

Рене указала на гладкую металлическую панель в стене, но та не могла отразить сияние из её памяти.

— Я помню, что день был необычайно ясным. Небо было ярко-синим, без единого облачка. Полуденное солнце заливало площадь своим светом. Вокруг царил хаос. Это случилось после нападения изначальных: повсюду лежали обломки зданий, слышались крики и стоны. Площадь превратилась в руины, и только небо оставалось безучастным к трагедии на земле. И вдруг появилось нечто, затмившее само солнце.

Прекрасное, заливающее всё вокруг серебристое сияние. словно чистый лунный свет в безоблачную ночь — яркий, ослепительный, но не режущий глаза. В этом свете чувствовалась такая мощь, такая ледяная решимость, что перехватывало дыхание. Ты испытывал благоговейный трепет и просто не мог отвести взгляд.

— Это было слишком красиво. Настолько, что я замерла на месте.

На лице Рене появилось выражение счастья — так выглядит ребёнок, чья любимая сказка внезапно стала явью.

— Именно тогда я впервые увидела Отряд Тысячи Пределов. Каждый из них вёл серебристый многоколёсный мотоцикл. Бесчисленные серебряные силуэты, казалось, совершенно не принадлежали этому миру боли и разрушения. Они заполнили собой всю площадь Ребоса.

Закончив, она посмотрела на Джефсика. Та тоже о чём-то задумалась, глядя куда-то вдаль.

Рене виновато улыбнулась:

— Наверное, это звучит скучно?

— Нет-нет, вовсе нет! — поспешила заверить Джефсика. — Я не видела того, что описываешь ты, но мне кажется, я чувствовала нечто подобное. Просто не могу вспомнить где... Точно! — она внезапно просияла. — Это как когда закрываешь глаза на ярком свету, и вспышка проходит сквозь веки. Верно?

— Именно! словно свет из сна. Я влюбилась в этот образ и именно поэтому вступила в Отряд. А когда я наконец смогла сама лихо вскочить в седло мотоцикла, то совсем об этом забыла. Голова забита бесконечными проблемами... Но, похоже, это мой предел, — Рене чуть опустила голову. — Капитан Тир знает, что моя семья всегда была против службы. Если бы не он, сдержавший напор моих родителей, я бы никогда не смогла остаться здесь и следовать за мечтой. Они не то чтобы совсем меня не понимают... Они просто боятся за меня. Они воспользуются этим случаем, чтобы заставить меня уйти. Думают, я ещё молода и смогу унаследовать всё то, что они приготовили — связи в политических кругах, голоса избирателей в шахтёрских районах. Через несколько лет я стану такой же, как они. Хотя, если честно, я бы предпочла перейти на штабную работу. Со временем я бы могла стать командиром Отряда. И тогда я бы с полным правом сидела в кабинете и отчитывала заместителя командира: «Почему ты опять действовал без приказа?! Ты нарушил устав! Почему прогуливаешь дежурство?! Почему вы снова ввязались в драку?! Как ты мог...» Я бы стала всё более ворчливой, а подчиненные за глаза называли бы меня «мамаша Рене»... хе-хе...

Рене весело рассмеялась. Эта искренняя улыбка была доказательством того, что это действительно была её вторая, потаенная мечта.

— Джефсика, разве это не забавно?

Но внезапно в уголках её глаз блеснули слёзы. Она протянула руки к подруге, и когда та мягко обняла её, Рене наконец разрыдалась.

— На самом деле я не хочу уходить, — всхлипывала она. — Я хочу быть рядом с кудряшом Литтлом, с болваном Хато, с Эдо и Федо, которых я вечно путаю... Со всей моей группой. С ворчливой мамашей Тир и с заместителем командира, который, кажется, никогда не проигрывает. Я просто хочу быть со всеми вами. Я всегда надеялась, что уйду в отставку только в день своей смерти на поле боя. Чтобы навсегда остаться в лучах того чудесного серебряного сияния...

Когда из палаты донеслись рыдания, Бичила больше не мог этого выносить.

— Да хватит уже!

Он внезапно вскочил и, выкрикнув это, бросился к лифту. Он бежал так быстро, что Асир не успел его перехватить и лишь бросился следом. Однако Бичиле не суждено было покинуть этаж так просто. Едва двери лифта разошлись, он в очередной раз подтвердил свою репутацию «ходячей катастрофы», со всего маху врезавшись в выходящего человека.